

10.10.97
Даниил
КРАМЕР:

Июль. — 1997. — 10 окт. — с. 7.

«Поиграл бы с Моцартом. С Бахом — ни за что»

12 октября в Большом зале Московской консерватории — концерт из серии «Джазовая музыка в академических залах», в котором участвуют известные музыканты: Георгий Гараян (саксофон), Алексей Кузнецов (гитара) и Даниил Крамер (фортепиано) — наш собеседник.

— Даниил, легко ли вас пустил под крышу главный классический зал России?

— Представление о джазовой музыке как о легковесной и несерьезной (а раньше даже считали вражеской) осталось в советском прошлом. Чему я несказанно рад. Хотя все равно пришлось кое-кого убеждать, что чисто джазовый цикл не оскорбит святые стены БЗК.

— Что бы ни говорили, а отечественный джаз отметил свое 75-летие. Произошла ли за эти годы эволюция в развитии жанра?

— 75 лет для музыки — гигантский срок! Особенно в XX веке. Достаточно сказать, что от чистой акустики музыка перешла к таким высоким технологиям, которые раньше и не снились композиторам. Русский джаз вышел на мировой уровень. Вот вам и вся эволюция.

— Как сложилось трио Гараян—Кузнецов—Крамер?

— Одна из самых старых джазовых традиций — это совместная игра, в основе которой лежит принцип «нравится — не нравится», «приятно играть с этим музыкантом или не приятно». Эта традиция никем не выдумана, такова природа джазовой музыки. Существовал дуэт Кузнецова и Крамера, существовал дуэт Гараяна и Кузнецова. Случилось так, что мы все трое познакомились, и произошло то, что происходит рано или поздно со многими джазовыми музыкантами — мы начали играть вме-

сте и продолжили, обнаружив, что нам это нравится. Другая сторона этой традиции — джем-сейшн, то есть совместная игра «с ходу», без репетиций. Иногда наше трио делает некий «джет-сейшн» прямо на сцене, когда есть настроение.

— А есть ли у вас какие-то приметы, которым надо обязательно следовать, чтобы концерт удался?

— Вообще-то нет. Но изредка я выхожу из дому с правой ноги — мама научила. Но это редко, когда вспоминаю. У меня практически нет суеверий. Однако назвать себя человеком неверующим не могу. Я не хожу в церковь, так как не положено, не хожу и в синагогу, куда мне положено ходить... Но каждый раз, когда попадаю в церковь, а происходит это регулярно, свечки ставлю за здоровье родных, друзей, ставлю за упокой, иногда ставлю за свою удачу, и прошу Бога о том, чтобы удачно прошел концерт, прошу о том, чтобы не выдохнуться, не исчерпать себя. Это конец. Поэтому я всегда прошу того, кто там есть, чтобы Он не дал мне дожить до того момента, когда я уже исчерпаю себя. Тогда жизнь просто утратит смысл.

— Скажите, пожалуйста, каким в идеале вам представляется конец артиста?

— Ой, лучше, чтобы это произошло внезапно и на сцене. Не совсем на сцене, зачем нервировать публику, — закончить концерт, прийти в примерку и умереть. Как Миронов, как Ойстрах. Это мой идеал конца артиста. Когда таким

образом люди умирают, для меня это как «Бог позвал к себе». Но такой конец надо заслужить, он не каждому дан.

— Музыкант, исполняющий импровизацию, выкладываете вдвойне. Как вы восстанавливаете силы после концертов?

— Да по-разному. Иногда меня жена погулять выводит, иногда за компьютером сижу: то в Интернет залезу, то в игры поиграю. Иногда просто сплю. А иногда меняю работу — занимаюсь композицией, пишу учебник. Вот начал, уже целых восемь страниц написал. Вы думаете, это мало? — месяц работы.

— Помните, в свое время очень популярным был самоучитель игры на гитаре, так что теперь ему на смену придет учебник по джазовой импровизации?

— Сначала я задумал написать работу «Стилистические особенности джазовой импровизации» — чисто научный материал. И мой издатель — Татьяна Смирнова — дала анонсы, что будет напечатана такая работа. А я, честно говоря, взял и забыл. И вот, учебник в общем зрел-зрел-зрел, а потом

позвонила издатель и сказала, что письма идут с вопросами об учебнике: «Так где работа?» И куда мне деваться? Пишу первую часть.

Рассчитан он будет на самую широкую аудиторию, на всех, кто захочет научиться играть джазовую импровизацию. Подчеркиваю — не джаз, а джазовую импровизацию. Потому что, чтобы научиться играть джаз, никакого учебника не хватит.

В работе над учебником очень помогает то, что я сейчас преподаю джазовую импровизацию в Московской консерватории.

— Ни за что не поверю, если вы скажете, что никогда в жизни не желали славы?

— О-о, конечно желал! И не раз. Это началось тогда, когда я понял, что хочу делать карьеру. Года в 23—24. Тогда появилось желание славы, и оно со мной сыграло злую шутку. Одно время я очень активно стал выступать с рек-таймами на телевидении во всяких там «Утренних почтах» и так далее. Сплошные рек-таймы. Я их играл быстро и блестяще, и это был максимум того, на что был способен. Появилась извест-

ность, и к моему имени стали добавлять словосочетание «известный пианист». А этот «известный пианист» ничего, кроме рек-таймов, и играть-то не мог. В результате схлопотал от коллег. От тех коллег, от которых имел право схлопотать. Справедливо. Я понял, что мой имидж становится определенным — эстрадный пианист низкого пошиба. Я уже давно переболел звездной болезнью, и меня слава не обманет: я знаю, чего я стою.

— Даниил, с кем из великих музыкантов вы хотели бы сыграть?

— С Шопеном. Мечтал бы поиграть с Моцартом. Они мне очень близки. Вот с Бахом — ни за что. У меня просто не хватило бы духу, он для меня инопланетянин.

— А из современников?

— С Николаем Петровым, Владимиром Спиваковым и Юрием Башметом. Господь Бог дал нам одно время для жизни, может быть, он даст нам возможность вместе что-то сделать. Я бы Его в этом поддержал.

Ольга ЛУНЬКОВА.